

Зеленкова Екатерина Владимировна

ЖАНР "СОВЕТСКОЙ ОДЫ" В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Особый интерес для современного литературоведения представляют локальные тексты. Недостаточно изученным среди них на сегодняшний день остается волжский текст. Анализируя его фрагменты – классицистический и соцреалистический, представленные соответственно произведениями И. Дмитриева "К Волге" (1794) и В. Лебедева-Кумача "Песня о Волге" (1937), автор статьи приходит к выводу об их типологической схожести.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 85-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 821.161.1

Филологические науки

Особый интерес для современного литературоведения представляют локальные тексты. Недостаточно изученным среди них на сегодняшний день остается волжский текст. Анализируя его фрагменты – классицистический и соцреалистический, представленные соответственно произведениями И. Дмитриева «К Волге» (1794) и В. Лебедева-Кумача «Песня о Волге» (1937), автор статьи приходит к выводу об их типологической схожести.

Ключевые слова и фразы: текст; классицизм; ода; социалистический реализм; массовая песня.

Зеленкова Екатерина Владимировна

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
botanik1987@mail.ru

ЖАНР «СОВЕТСКОЙ ОДЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА©

При знакомстве с массовыми советскими песнями 30-х годов поражает, во-первых, их количество, а во-вторых, широкое использование в них образа Волги. Объяснение первого феномена дает К. Брюггеман: «...на фоне богатой русской традиции фольклорной музыки песня в обществе, где большинство людей еще не умело читать, являлась идеальным посредником для распространения политических доктрин» [3].

Активное использование авторами образа реки тоже объяснимо: Волга – «прецедентный знак русской культуры» [6, с. 32]. Волжская тема активно была развита в фольклоре, окончательное открытие Волги и закрепление за ней высокого и полноценного художественного статуса принадлежит Карамзину (стихотворение «Волга», 1793) и И. И. Дмитриеву («К Волге», 1794). Волга вдохновляла многих писателей и века XIX-го: П. И. Мельникова-Печерского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. Н. Островского, Н. А. Некрасова. Творчество этих авторов упрочило образ великой русской реки в литературе. Волжская тема активно разрабатывается не только в литературе, но и в живописи: «Свежий ветер. Волга» (1895), «Волга – река грусти» И. И. Левитана, «Волга» (1874), «Бурлаки на Волге» (1871) А. К. Саврасова, «Бурлаки на Волге» (1873) И. И. Репина.

Таким образом, можно говорить о феномене волжского текста. В. Н. Топоров дал следующее определение текста: это «некий синтетический свертхтекст, с которым связываются высшие смыслы и цели» [11, с. 275]. Другими словами, это совокупность текстов, в которой создаются не эмпирический, а символический образ города. В нашем случае – это образ реки.

Вслед за исследованием Топорова появляются работы: «Структура и семантика “итальянского текста” Н. Гумилева» И. В. Алонцевой [2], «Пермь как текст» В. Абашева [1] и другие. Интенсивность исследований «локальных текстов» в отечественной филологической науке определяет **актуальность** данной работы. **Научная новизна** исследования обусловлена попыткой исследования стихотворения Дмитриева «К Волге» и Лебедева-Кумача «Волга» как фрагментов (условно классицистического и соцреалистического) единого волжского текста.

Цель исследования заключается в том, чтобы проследить развитие волжской темы в творчестве писателя XVIII века и первой трети XX века, выявить особенности функционирования интересующего нас образа реки у каждого автора.

Имя Дмитриева традиционно в русской литературе связывают с формированием сентиментализма, в то время как современники называли Дмитриева «классическим поэтом». Особый интерес представляет для нас стихотворение «К Волге» (1794 г.), так как это один из первых текстов, в которых образ великой русской реки появляется в авторском, а не в фольклорном тексте.

Произведение представляет собой 9 десятистрочных строф, написанных четырехстопным ямбом. Такая строфическая и метрическая организация была характерна для похвальной оды. В качестве подтверждения можно привести размышления Ломоносова о связи смысла и метра из «Письма о правилах российского стихотворства»: «Чистые ямбические стихи материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах» [9, с. 352]. Предположение относительно жанровой принадлежности текста подтверждает также первая строфа, являющаяся обязательной комплиментарной частью оды: «О Волга! Рек, озер краса, / Глава, царица, честь и слава, / Прости!.. Но прежде удостой / Склонить свое вниманье к лире / Певца, незнаемого в мире, / Но воспоенного тобой» [5, с. 620].

Абстрактный субъект (о нем известно лишь то, что по Волге он путешествовал) обращается к вполне конкретному адресату – реке. Мотив восторга, основной для одической традиции, получает развитие и в данном тексте. Уже в первой строфе на 9 строчек стихотворного текста приходится пять восклицательных предложений. Лирического героя переполняет чувство восхищения при виде мощи, величия и красоты великой реки. Поэтому последнюю строчку «воспоенного тобой» можно, с одной стороны, понять как «вдохновленного тобой», а с другой стороны, учитывая то, что Дмитриев родился на Волге, ее можно понимать и буквально: «рожденный, вскормленный тобой».

Ода, являясь, прежде всего, ораторским жанром, использует определенный набор риторических приемов. Находим их и у Дмитриева: анафора: «То нежным ветерком лобзаем, / То ревом бури и валов / ...Я плыл, скакал, летел стрелою»; асиндетон: «О Волга! рек, озер краса, / Глава, царица, честь и слава»; риторические вопросы: «Но страннику ль тебя прославить?»; риторические восклицания: «Великолепну зрел картину! / И я был на твоих брегах!»; перифразы: «Страшитесь, персы, рока злого! / Идет, идет царь сил на вас!»; инверсия: «Здесь мимо городов цветущих / И диких пустыней я тек» [Там же].

Таким образом, стилистически стихотворение отвечает всем одическим признакам. Обратимся далее к сюжету произведения.

Дмитриев последовательно разворачивает картину лирического путешествия по Волге. К мотиву восторга присоединяется, соответственно, и мотив пути: герой не со стороны любит и восхищается Волгой, он оказывается участником движения по реке. Цель его для читателя остается неизвестной, но то, что мечтал о нем лирический герой давно, доказывают строки: «Исполнены мои обеты; / Свершилось то, о чем желал / Еще в младенческие леты, / <...> / Свершилось, и блажу судьбину: / Великолепну зрел картину! / И я был на твоих волнах!» [Там же].

Лексема «обеты», ассоциативно связанная с религией, приравнивает по значению путешествие по Волге лирического героя к паломничеству по святым местам для глубоко верующего человека. Мотив святости реки поддерживается словами «блажу судьбину», лирический герой испытывает глубочайшее чувство благодарности судьбе за ее подарок – возможность «великолепну зреть картину».

Дальнейший фрагмент текста представляет собой своеобразный «лирический отчет» о пройденном пути. Герой замечает двойственную природу реки: «То нежным ветерком лобзаем, / То ревом бури и валов / Под черной тучей оглушаем / И отзывом твоих берегов, / Я плыл, скакал, летел стрелою...» [Там же].

Однако мотив изменчивости не получает дальнейшего развития. В следующих строках он вытеснен мотивом памяти, заданным риторическим вопросом лирического героя: «Там видел горы над собою / И спрашивал: который век / Застал их в молодости сущих? / Здесь мимо городов цветущих / И диких пустыней я тек» [Там же].

Последние строчки строфы расширяют художественное пространство текста до масштабов необозримой пустыни. Образ в данном случае реализует именно коннотативное значение «безграничное пространство», а не «пространство, лишённое жизни», потому что в соседстве с предельно абстрактными образами «цветущих городов» кажется, что волжские земли настолько необъятны, что человек освоил пока лишь их часть. Безграничность – вот одна из обязательных характеристик одического топоса. Другой такой характеристикой является «блаженная тишина» и процветание: «Там веси, нивы благодатны, / Стада и куци рыбарей, / Цветы и травы ароматны, / Растуци средь твоих зыбей, / Влекли попеременно взоры» [Там же].

Характеризуя хронотоп оды, Краковяк утверждает, что «ода создает мир, в котором на наших глазах обезвреживается и изгоняется враг» [7, с. 41]. Дальнейшее развитие мотива памяти организует именно такой хронотоп: «А твой певец в сии мгновенья, / На крыльях воображения, / В протекших временах летал» [5, с. 620].

Далее в тексте появляются фигуры двух политических деятелей России: имя одного «Иоанн», имя второго не названо, но по отдельным деталям читатель может догадаться, о ком идет речь: «Я видел твой веселый ток / Под ратью грозна Иоанна; / И видел Астрахани рок, / Вотще ордынцы безотрадны / Бегут на холмы виноградны / И сыплют стрелы по судам: / Бесстрашный росс на брег ступает, / И гордо царство упадет / Со трепетом к его ногам» [Там же].

Река в воображении лирического героя предстает не просто свидетельницей глобальных исторических событий, носительницей воспоминаний о них, но участницей: «Я слышал Каспия седого / Пророческий, громовый глас: / “Страшитесь, персы, рока злого! / Идет, идет царь сил на вас! / Его и Юг и Норд трепещет; / Он тысячами перуны мечет, / Затмил Луну и Льва сразил!... / Внемлите шум: се волжски волны / Несут его, гордыни полны! / Увы, Дербент!.. идет царь сил!”» [Там же].

Под перифразой «царь сил» угадывается Петр I. Упоминание конкретного народа «персы» и реального топонима – города Дербента – позволяет предположить, что речь идет о знаменитом персидском походе Петра I, который имел огромное политическое и экономическое значение. Радость страны разделяет и река: «О, как ты Волга ликовала! / С каким восторгом поднимала / Победоносного царя!» [Там же].

Краковяк, заканчивая наблюдения над хронотопом оды, приходит к выводу, что «картина мира, создаваемая одой, строится как образ идеального государства, где царит “тишина” и “ликует” народ» [7, с. 41]. Если условно признать Волгу метонимической заменой всего русского народа, то процитированные строки Дмитриева могут послужить иллюстрацией слов исследователя.

Таким образом, основываясь на ряде признаков, мы можем определить жанровую принадлежность стихотворения Дмитриева как похвальную оду. Итак, по Дмитриеву, Волга – 1) место своеобразного лирического паломничества автора; 2) безграничное пространство амбивалентной природы; 3) хранилище памяти об исторических событиях.

Произведение Дмитриева представляет условно классицистический фрагмент волжского текста. Условный, прежде всего, потому, что, несмотря на присутствие в тексте элементов одической поэтики, в литературоведении за автором закрепился статус поэта-сентименталиста.

Основанием обращения к следующему тексту стала для нас знаменитая статья А. Синявского «Что такое социалистический реализм». Напомним, что в данной работе критик утверждает, что задача литературы того периода заключается в изображении жизни «такой, какой нам хочется ее видеть и какой она обязана стать, повинувшись логике марксизма. Поэтому социалистический реализм, пожалуй, имело бы смысл назвать

«социалистическим классицизмом» [10]. Данное утверждение представляет для нас несомненный научный интерес. Выясним, остается ли верным утверждение литературоведа для волжского текста, обратившись к знаменитой «Песне о Волге» Лебедева-Кумача, написанной для кинокомедии «Волга-Волга», в которой главной героиней буквально оказывается песня. «Вообще, к концу 30-х годов в отечественном кинематографе решительно утверждалась музыкальная комедия, способная более других жанров вызвать у зрителя иллюзию приближения к заветной цели – светлой, радостной и счастливой жизни» [4]. Выразителем этих настроений в фильмах становится музыка – эмоциональная, яркая, энергичная, призывная. Музыкальная комедия в контексте жутких реалий (массовые репрессии и жуткий голод, наступивший после коллективизации деревни) была призвана ответить на соцзаказ – поднять жизненный тонус народа, создать просветленный образ «веселого, певучего, радостного мира», якобы существующего в СССР.

Если у Дмитриева с первых строчек задается мотив восторга, то у Лебедева-Кумача – мотив перемен: тяжелому прошлому противопоставляется светлое и радостное настоящее: «Словно тучи, печально и долго / Над страной проходили века, / И слезами катилась Волга – / Необъятная наша река. / <...> / Много песен над Волгой звенело, / Да напев был у песен не тот: / Прежде песни тоска наша пела, / А теперь наша радость поет» [8, с. 262].

Уже эти две строчки позволяют нам говорить о функционировании другого, не менее важного, мотива – радости. Вспомним, что, доказывая одический характер стихотворения Дмитриева, мы говорили о мотиве восторга. В данном случае лексемы «радость», «восторг» видятся нам достаточно близкими по значению.

Обратимся к анализу хронотопа данного произведения. Мы уже оговаривались, что в первой же строфе присутствует противопоставление прошлого и настоящего. Скажем больше: антитеза – главный прием, на котором строится песня. В первой строфе прошлое существует латентно, на дальнейшую его реализацию указывают глаголы в форме прошедшего времени и упоминание имен Пугачева и Разина («проходили века», «катилась Волга», «Степан с Емельяном водили челны»). Однако уже во втором куплете противопоставление получает развитие: «Много песен над Волгой звенело, / Да напев был у песен не тот: / Прежде песни тоска наша пела, / А теперь наша радость поет» [Там же].

Радостное «сегодня» противопоставляется не только темному печальному прошлому, но и, как это ни парадоксально, будущему, только критерием для этого противопоставления становится уже не категория счастья: «Пусть враги, как голодные волки, / У границ оставляют следы – / Не видать им красавицы Волги, / И не пить им из Волги воды!» [Там же].

В данном случае имеется в виду, что и будущее страны видится еще более светлым, а главное – спокойным. Таким образом, наличие двух временных пластов сближает «Песню о Волге» и стихотворение Дмитриева. Однако это не единственное основание для сравнения.

Последний процитированный фрагмент текста интересен еще и тем, что в нем появляется образ потенциального врага. Волга ассоциируется в сознании нации с границей. Пространство советской массовой песни сакрально, здесь всегда весна, все молоды, счастливы, готовы к борьбе: «Наше счастье, как май, молодое, / Нашу силу нельзя сокрушить, / Под счастливой советской звездой / Хорошо и работать, и жить» [Там же].

Но этой идиллии (как характеризует пространство массовой песни Гюнтер) противопоставляется пространство врагов. Вспомним, что при анализе текста Дмитриева мы также говорили об особых качествах его топоса и как раз на основании наличия мотивов всеобщей радости и тишины (в значении отсутствия войны) пришли к выводу, что топос этот является по своим характеристикам одическим. Следовательно, одическим можно назвать его и в «Песне о Волге».

Одним из этапов анализа стихотворения «К Волге» было определение стихотворного размера. Повторимся, что стихотворение Дмитриева написано 4-стопным ямбом. Лебедев-Кумач создает свою «Песню о Волге», используя 3-стопный анапест. Хотя два интересующих нас текста написаны разными размерами, они оказываются близки по своим интонационным и семантическим качествам.

Стилистически текст песни также оказывается близок поэтике оды. Выделим те приемы, которые использует Лебедев-Кумач: перифраз: «Не сдавалась цепям и обманам / Голубая дорога страны»; рефрен (припев) и асиндетон: «Красавица народная, – / Как море, полноводная, / Как Родина, свободная, – / Широка, / Глубока, / Сильна!»; инверсия: «Прежде песни тоска наша пела, / А теперь наша радость поет»; анафора: «Чтобы в ней наша сила жила, / Чтоб до самого солнца летела, / Чтоб до самого сердца дошла!»; риторическое восклицание: «Не видать им красавицы Волги, / И не пить им из Волги воды!» [Там же].

Итак, Волга у Кумача – это: 1) хранилище памяти об исторических событиях; 2) путь к светлому будущему страны; 3) безграничное пространство молодости и счастья; 4) граница, за которой начинается пространство врагов.

Таким образом, схожесть интерпретации образа Волги, интонационная близость двух произведений, система мотивов (мотив пути, мотив радости, мотив памяти) и характеристика хронотопа (цветущее безграничное пространство, не знающее больше бед и войн) позволяют сказать, что «Песня о Волге» Лебедева-Кумача оказывается близка одической традиции. И это не случайно: для решения той задачи, которую решали поэты 30-х годов, а именно поддержать своим творчеством миф о начале «новой эры», существовании сильного, независимого Советского государства, «где так вольно дышит человек», была так востребована нормативность, строгость, ясность поэтики классицизма. Об этом говорит А. Синявский: «По своему герою, содержанию, духу социалистический реализм гораздо ближе к русскому XVIII веку, чем к XIX. Сами того не подозревая, мы перепрыгиваем через голову отцов и развиваем традиции дедов» [10]. Проведенные нами наблюдения за двумя текстами, разделенными двумя веками, подтверждают слова критика.

Список литературы

1. **Абашев В.** Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2000. 152 с.
2. **Алонцева И. В.** Структура и семантика «итальянского текста» Н. Гумилева: дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 291 с.
3. **Брюггеман К.** Миф о «большой советской семье» в массовых песнях 1930-х годов, или Советский Союз как поющий пионерский лагерь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.historia.lv/publikacijas/konf/daugp/012/1dala/brigeman.htm> (дата обращения: 28.04.2012).
4. **Волков А.** Волга-Волга: художественный фильм [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkoekino.ru/books/ruskino/guskino-0036.shtml> (дата обращения: 20.04.2012).
5. **Дмитриев К.** К Волге // Русская литература XVIII века: лирика. М.: Худ. литература, 1990. 735 с.
6. **Кожина Т. Н., Лекомцева Н. В.** «Рек, озер краса, глава, царица...»: Волга как прецедентный знак русской культуры // Русский язык за рубежом. 2002. № 3. С. 32-40.
7. **Краковяк А. С.** Похвальная ода и высокая инвектива: риторические приемы и художественная картина мира // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 11. С. 38-43.
8. **Лебедев-Кумач В.** Песня о Волге // Александров Г. В. Эпоха и кино. М.: Политиздат, 1983. 336 с.
9. **Ломоносов М. В.** Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1980. 512 с.
10. **Синявский А.** Что такое социалистический реализм [Электронный ресурс]. URL: <http://antology.igrunov.ru/authors/synavsky/1059651903.html> (дата обращения: 20.04.2012).
11. **Топоров В. Н.** Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. М.: Прогресс; Культура, 1995. 624 с.

GENRE OF "SOVIET ODE" IN LEBEDEV-KUMACH'S CREATIVE WORK

Zelenkova Ekaterina Vladimirovna

Yaroslavl' State Pedagogical University named after K. D. Ushinskii
botanik1987@mail.ru

The author tells that local texts are of particular interest to contemporary literary criticism, mentions that today among them the Volga River text is insufficiently studied, and analyzing its fragments – classicistic and socialist realistic, represented by the works of I. Dmitriev "To the Volga" (1794) and V. Lebedev-Kumach "Song of the Volga" (1937) correspondingly, comes to the conclusion that they are typologically similar.

Key words and phrases: text; Classicism; ode; socialist realism; mass song.

УДК 82.091

Филологические науки

Статья посвящена современному состоянию «деревенской» темы в отечественной прозе нулевых и начала десятилетия XXI века. Автор рассматривает некоторые явления современного литературного процесса как продолжающие традиции классической деревенской прозы 60-х – 70-х годов XX века либо, напротив, как полемичные по отношению к ней. Основные вопросы, поставленные в статье: насколько правомерно говорить сегодня о традициях деревенской прозы, есть ли она только локальный феномен советской литературы второй половины XX века или же ее следует рассматривать в более широком культурно-историческом контексте.

Ключевые слова: современный литературный процесс, деревенская проза, советская литература, новейшая отечественная литература, традиция

Иванова Ирина Николаевна, д. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
ivanovairinna@mail.ru

**ДЕРЕВЕНСКАЯ ПРОЗА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
КОНЕЦ МИФА ИЛИ ПЕРЕЗАГРУЗКА?®**

Исторически Россия сформировалась и существовала в течение многих веков как страна аграрная, крестьянская, деревенская. Именно с деревней, с крестьянской общиной связывали нашу национальную самобытность и даже религиозную идентичность (крестьянин = христианин, деревня – хранительница православной веры). Русские писатели XVIII-XX веков, от Радищева до советских «деревенщиков», видели в крестьянине опору государства, сочувствовали его тяжелой жизни, восхищались трудолюбием, смекалкой, природной одаренностью, христианским смирением или революционным потенциалом (в зависимости от собственных взглядов). Были и другие голоса, но они, как правило, тонули в этом хоре.